

Над обмелевшим прудом

Каждая поездка в Колывань бывает окрашена в свои тона. Впервые я увидел поселок камнерезов в ненастный майский денек двадцать лет назад. Поселок был обыденно неряшлив, и взбитые колесами сливки дорожной грязи щедро летели из колеи на штакетник палисадников, на борта и стекла встречных машин. Этот грязно-серый тон преобладал и в камнерезном цехе. Впро-

чем, это не удивительно. Кто надеется побывать, скажем, на кожевенном заводе, где выделывают хрустящий хром, и не уловить еще на пороге отвратного запаха покрашенной кожи, тот безнадежно ошибается. Так и в камнерезном цехе, где алтайские самоцветы, можно сказать, продираются из грязи в князи, чистоглазо глянули на меня зрочки кабашонов для запонок и шляпки сувенирных грибочков, коими потчевала тогда Колывань приезжих.

Позже я оказывался в Колывани при разной погоде; видел ее и нарядно зеленой, умытой парным туманом, и цветы в ней переплескивались через ограды палисадников, заставлял ее в пору истомы бабьего лета и в покой первого вазимжа. Но какой бы я ее ни заставлял, всегда в этом уголке земли для меня главным цветом был проясненный мастерами цвет камней. И если двадцать лет назад глаза самоцветов были не более вставочки в запонок, то ныне они увеличились до размеров огромных многометровых панно. Вроде бы надо радоваться, да что-то не радостно, поскольку в расширенных чрезмерно глазах часто улавливается патологическое состояние. Но я не медик и в эту область вторгаться не стану, а потому вернусь к последней поездке в Колывань в августе этого года.

Вдвоем с сыном мы сидели на берегу пруда, и я не узнавал демидовского создания. Пруда просто не было. Его спустили, и в опустевшей впадине преобладал серый цвет высушенной тины. Вечером подробности исчезновения пруда выяснились: задумано расширить плотину, со дна пруда вывезти все застойное, что несло в него с окрестных полей за много-много лет; говорят, это очень благодатный и плодородный материал для полей, потом, говорят, пруд будет благоустраиваться. Нам благоустройства не требовалось, достаточно было того, что нашлись дрова — лес рядом, воду мы принесли с собой и, сварив суп в солдатском котелке, уехали обедать. Говорят, излишества вредны и роскошествовать неприлично, но мы чувствовали себя вполне роскошно и вальяжно; стол у нас был из настоящего розового кварцита, стулья из красного порфира — такого и в Зимнем дворце не снилось, а вид с места трапезы открывался исторический, поскольку был известен в столицах Европы по правьюграм мастеров восемнадцатого века.

Я попытался было вслух убедить сына, что обедаем мы по-царски, но он легко разоблачил мою ложь, напомнив,

дескать, сам рассказывал, что у царей была и посуда золотая и ложки, а вдобавок еще спросил: едят ли цари пакетный суп? Да, ложки наши действительно издавали глуховатый алюминиевый звук, и обедали-то мы хоть и под голубым да среди зеленого, но происходило это на складе. Место это на берегу пруда в Колывани всегда называлось складом, то пороховым, то сырьевым. Сейчас склад выглядел совсем бедновато и чем-то напоминал наш стол: суп, хлеб, чай.. Сиротливо лежало несколько блоков белоречита, мрамора да небольшие речные голыши порфира, доставленные сюда из Коргонского ущелья. По причине бедности сырья на складе завтра и намечалась поездка за резневской яшмой. Такую оказию нам пропускать было грешно. А пока впереди был остаток дня, и в стрижковском корпусе наверняка можно застать художника.

На сей раз, встретившись с Александром Дербеневым, мы пошли посмотреть новое панно, набранное еще пока что «на живую руку» — фрагменты мозаики еще не были схвачены намертво эпоксидной смолой. В предыдущий мой приезд в этом же уголке цеха разглядывал я мозаичную столешницу. Она

Над сбелевшим прудом

(Начало на 7-й стр.)

уже была утверждена на тонкой яшмовой ножке. Спрашиваю художника:

— Помнишь, была столешница с мотивами из истории Колывани? Чем-то она переключалась с итальянскими эрмитажными... Где она теперь?

— Точно не помню, кажется, в ленинградском музее.

— Одновременно со столешницей делали еще одну вазу из белоречита по проекту какого-то москвича. Она в чьи руки попала?

— Кажется, в Барнауле..

— И после отправки вещи никаких документов? Помнишь, был разговор о паспорте на каждое изделие, понимается, художественное.

— Помню. Завертелись мы тут. Не до паспортов. Кому-то надо этим заниматься отдельно. А мы камнерезы, нам не до бумажек.

— Как же тогда восстанавливать биографию изделий? Из каких источников?

— Бухгалтерия все знает: кто делал, сколько получил и т. д.

Ссылаясь на бухгалтерию, вряд ли сомневался художник завода в том, что там найдутся сведения о стоимости изделия, о зарплате исполнителя и проектанта. Это все именуется калькуляцией продукции. Но за холодной заслонкой этого бухгалтерского термина, так же как и за подробными ведомостями прошлого века, не видно человека-мастера. Если я не прав, то попробуйте прочитать на тех мозаичных панно, что разместились в Барнауле во Дворце моторостроителей или на речном вокзале, хотя бы свозь лупу попробуйте прочесть: по чьим проектам выполнена картина, кем выполнена, когда рождена в Колывани и когда прибыла в стены дворца или вокзала. Ни буквы ни обнаружите. Полная анонимность!

Происходит какое-то головотяпское размывание контуров сегодняшней творческой истории камнерезного дела, и в этом не последняя вина самих камнерезов. Я сегодня на все сто уверен, что через несколько лет заводу потребуются платный искусствовед-детектив, который сможет установить, кем, когда сделана та или иная ваза и в каком музее, в каких владениях она находится. Побеседовав на эту же тему с директором завода Борисом Пчелинцевым и убедившись, что на историю сегодняш-

него дня ему тоже внимания и времени не хватает, я не позавидовал тому, что будет изучать в двадцать первом веке историю Колывани.

Кому-то это покажется пустяком. Подумаешь, важность! Какой-то паспорт, какая-то бумажка! Но из бумажек, из бумаг, из грамот нынче состоят национальные сокровища — архивы и древнехранилища. Люди смертны, а не все передается изустно, а что передается — не сохраняется. И поэтому люди доверяют себя, т. е. живую память чистому листу. И еще память доверяют хранить камню. Но жизнь, а точнее люди, иногда сокрушительно безжалостны и даже камень с мемориальной надписью исчезает с лица земли навечно.

...Мы направлялись в Ревневскую каменоломню. В кузове грузовика лежало две нагробных плиты. Виктор Степанович Дударенко кивнул на груз в кузове:

— Завезем заказчику в Змеиногорск и тогда напрямик на Ревнеуху.

Заказчик сгружать плиты не бросился, а попросил отвезти их на кладбище, там лучше сгрузить и сразу установить. И вот восемь или десять мужиков, раскорячась под тяжестью гранитной плиты, пытаются пронести ее в узком про свете между могильных оград, а у меня после вчерашнего вечера перед глазами стоит Колыванское кладбище и могила Михаила Сергеевича Лаулина — при нем начиналась «Царица ваз». Лаулин похоронен недалеко от кладбищенских ворот, которые я никогда не видел закрытыми. Мы пробираемся к могиле, лавируя между «мин». Таким взрывчатым словом назвала ребятня,

идущая с нами, коровьи и телячьи лепехи.

Два года назад вместе с Сашей Дербеневым мы расчищали вокруг лаулинской плиты траву, вырубали дурного посева клен, но могила опять заросла, и плита еле видна. На сей раз то же самое мы делаем с художником из Заринска Андреем Биттером. Наши сыновья помогают нам, а когда дело сделано и плита свободна, один из них говорит: «А вон идут «миноносцы». Другой добавляет: «Они могут оголенную плиту заминировать». Миноносцы — это коровы, они на ходу сбрасывают свой непочтительный груз там, где им велела биология и где позволяют беспечные колыванские жители. Тогда мы решаем хотя бы простенькой оградить могилу Лаулина, но у нас ничего нет: ни столбиков, ни жердей, ни топора, ни лопаты. Инструментом разжились у Алексея Ефимовича Поднебеснова. Его наша затея не удивила. И уже почти в сумерках, не спросив, с задворком ближнего к кладбищу дома унесли толстенную жердину и на отвале у пило-рамы подобрали четыре доски. Пока мы делали ограду, совсем стемнело, и наши детки стояли настороженными из-за ваяния поближе к могиле, убеждаясь — ночью по кладбищу скелеты не гуляют да и привидения тоже не ходят, а встречаются только блудные телята. Спотыкаясь в темноте, выбрались мы к заводской гостинице, и уже за чьем Биттер спросил:

— Ты был на том месте, где стояла церковь?

— Там, кажется, парк теперь, — ответил я не очень уверенно.

— Да. А когда-то было кладбище.

— Что-то у нас сегодня эта тема больно живуча.

— Может быть. Но кладбище это раскопали.

— Кто? Археологи?

— Нет, Строители. Школу будут строить на этом месте.

— И никто из колыванцев не возражает?

— Не только не возражает. Поссоветские начальники торопят. Детям в старой тесно и плохо. Понимаешь, — Биттер ухватился за голову, — я никак не пойму одного: почему никто даже не предложил — давайте перезахороним эти черепа, эти ребра, ведь это же предки наши... Может быть, это первое кладбище поселка. Жуть, какая-то. Все, кому не лень, растаскивают черепа на память о своем пребывании в этом месте.

Я был в Колывани не впервые, и меня уже не удивляла дряблость сельсоветских мускулов поселка, как бы смирившегося с полным небрежением к прошлому, но такая новость заставила содрогнуться. Нет, не кладбищенские воры пришли-приехали выламывать из черепов золотые зубные протезы, как это было под Симферополем, а строители прибыли с экскаватором. И никто им не растолмачил, что где-то возле церкви (хоть она и построена во второй половине прошлого века, а раньше на этом же месте стояла деревянная во имя Воскресения Христа), возможно, был похоронен сам Филипп Стрижков — основатель завода и дела в Колывани. И кто даст гарантию, что это не Филиппа Стрижкова череп увезен каким-нибудь ленинградским монументалистом в ка-

честве сувенира! Впрочем, что кивать на строителей и туристов.

Идея поставить школу на месте бывшего кладбища принадлежит проектинту А. Долнакову. Некоторое время живя в Барнауле, он весьма рьяно и не без прицела на авторитет боролся за сохранение старины, за неприкосновенность исторических ландшафтов, но когда его мастерской доверили проектировать школу в Колывани, он будто обеспамятел, проектинты-долнаковцы вписали свое детище на то самое место, где стоял храм и где, без всякого сомнения, место общему памятнику начинателям камнерезания на Алтае. Их могилы были снесены вместе с храмом в атеистическом припадке тридцатых годов. Так не пора ли воздать основателям!? Еще не поздно объект закрыть. Кости разметаны, и колыванские дети, еще до закладки фундамента новой школы получили чудовищный урок — как нужно обращаться с прахом предков. Велика воспитующая идея архитектора.

...В Ревневской каменоломне все было по-колывански. Два мощных «Урала» предстояло нагрузить яшмой, но подъемного крана не было. Если его гнать из Колывани, то он развалится где-то за околицей. И уже вся бригада яшмодобытчиков готова была подбирать осколки монолитов — того, что осталось от камнеломцев XIX века, но тут приключилось счастье.

Мимо каменоломни ехал трактор с гидравлической навеской, именуемой мехлопатой. Он направлялся в лесосеку растаскивать бревна, и для их подъема к мехлопате было приварено два мощных рога. Магический жест Дударенко

остановил трактор. С трактористом горный мастер договорился за минуту. (Форма оплаты огласке не подлежит). И за какой-то час с помощью гидравлики, стального троса и всего двух стропалей рессоры грузовиков прогнулись к земле под тяжестью пятисотсиглоплатных блоков прекрасной яшмы, уже вросшей в грунт и потерявшей надежду на превращение в произведение искусства. Нам оставалось только подкрепить основания блоков досками и каменной мелочью, чтобы глыбы на подъемах не елозили по кузову.

А потом мы пили чай, заваренный по дударенковскому рецепту, благо, что и душица, и малина, и смородина росли рядом с кострищем. Виктор Степанович, радуясь удаче, приговаривал:

— Да мы бы и одной такой заготовки всем Китаем в кузов не закатали. Нет. Не закатали бы...

— Как это — всем Китаем?

— Когда все — разом! Все, сколько есть.

И тогда молодой вертолетчик, приехавший вместе с Дударенко взглянуть на Ревноху, на место рождения «Царицы ваз», вдруг сказал:

— И не нужно никаким Китаем эти глыбы воровать. То есть можно, но не китайским способом.

— А каким?

— Видел, как в городе машина берет на борт мусорные контейнеры? Устройство видел? Вот и вся проблема. На твой борт, — вертолетчик обратился к одному из шоферов, — установить один гидроподъемник, и погрузка решена.

— Ну, это в городе... — протянул Дударенко, но поскольку тема города

была затронута, то ее долго не оставляли и ушли от каменной темы вовсе. Я тоже вспомнил о городе и рассказал, как недавно водил по Барнаулу американского писателя Лео Грулио, как он у одной из колыванских ваз молча любовался яшмой, а у другой, стоящей возле дворца бракосочетания, не выдержал и сказал: «Да у нас бы такое на улице не стояло».

— Это почему же? Что, у них камней нет? — спросил стропаль.

— Нет, дело не в камне. А может, и в камне. Он сказал, что такую дорогую работу у них давно бы украли.

— Наш хоть и уверуешь, то все равно не спрячешь. Наш камень везде в лицо узнают, — сказал горный мастер.

Ой ли! Не обольщаешься ли ты, дорогой Виктор Степанович? Да, наш камень узнают и знают, но не такой вот угрюмо-скрытный, неосеченный и неотполированный, что лежит в кузове или вон там, за поворотом, высится в пихтаче скалой, а тот знает, которому камнерезы, как говаривали в старину, «дали свое лицо».

Мы возвращались из каменоломни через Гляден — самую высокую гору в окрестностях. И, возвращаясь к состоянию Колывани, я размышлял над проклятием для меня вопросом — когда же Колывань обретет свой духовный Гляден, с высоты которого будут видны не перелески и поля, не долины и холмы, а те высоты девятнадцатого века, с которых Колывань Камнерезная спустил и затихла над зыбкой тиней обмелевшего пруда? Размышлял и пока не находил ответа...

Александр РОДИОНОВ.